

Иосиф Райхельгауз

С черного хода к Черному морю

- Был в Сочи.
- Как отдохнул?
- Жутко устал.
- Купался?
- Не успел.
- Добирался поездом или самолетом?
- Нет, своим ходом.

Из мобильного разговора

Рвануть на недельку к Черному морю, в Сочи, в нежарком начале южного лета, когда все цветет и благоухает, а отдыхающие еще не заполонили главный российский курорт, оторваться от всесезонно шумной Москвы, спрятаться от дел, залезть в не прогретую еще соленую воду, лечь на спину, качаться на волнах, шурясь от яркого солнца, – это ли не мечта? Конечно же, я не мог отказать от такого предложения. Приглашение присоединиться к очередной экспедиции исходило от Миши Абызова, а составлением и прохождением маршрута руководил Саша Давыдов. От него я узнал, что мы будем двигаться к Черному морю не как все, строго на юг от Москвы, а с тыла, через Прикаспийскую степь и Кавказские горы. Не через парадное, а с черного хода.

Поэтому летим не до Адлера, а до Астрахани. Приземлились вечером. Аэропорт совершенно пустой, людей нет. Наверно, все, кроме нас, полетели в Адлер. На площади нас ждут одиннадцать джипов, багги, пять мотоциклов и вертолет сопровождения.

Позже на одной из стоянок удалось полетать на этой машине с Сашей Давыдовым, который, как оказалось, с вертолетом справ-

ляется не хуже, чем с любым другим видом транспорта – наземным, наводным, наснежным, каким угодно! Кажется, неуправляемого транспорта для него просто не существует.

Из аэропорта на джипах уходим в лагерь на берегу Волги. Ночевка, и уже рано-рано утром выдвигаемся на гидроциклах в сторону Каспийского моря. За несколько десятков километров от моря Волга начинает распадаться на огромное количество судоходных и несудоходных канальчиков, десятки и сотни речушек и ручейков. Их количество сильно превосходит то, что можно увидеть на географической карте. Центральное русло остается судоходным до самого Каспия, очевидно, по нему и совершаются всякие плавания и круизы лайнеров с экскурсантами на борту. Мы же (а как иначе!) пошли не по широкой и судоходной реке, а по узким труднопроходимым протокам. Кто-то наматывал прибрежную осоку на винты гидроцикла, кто-то просто терял скорость, путаясь в зарослях или тараня дном неровности из песка и ила. Протоки почти все довольно мелкие, но когда я, припарковав гидроцикл к берегу, смело прыгнул в воду, дна под собой не обнаружил и нырнул с головой. Именно в этом месте река сделала углубление!

За пять-шесть часов мы преодолели положенное расстояние, вышли в Каспийское море, проплыли часть пути по открытому морскому простору и причалили. Следующий участок маршрута до Элисты предстояло пройти на джипах. Въехали в Калмыцкую степь. Поначалу это была не степь даже, а смесь степи и пустыни, или полупустыня, или еще что-то. Негустая растительность хваталась корнями за мягкий песок, точь-в-точь такой, какой требовался в огромном количестве для строительства дома в подмосковных Жаворонках. Здесь его просто миллионы тонн, и бесплатно. Наверно, присутствие рядом крупных российских бизнесменов подвигло меня на то, чтобы начать рассчитывать экономическую целесообразность переброски калмыцкого песка под Москву.

Дороги, естественно, нет, но нет и больших сопок, песок почти везде покрыт травой. Ехали долго, но без видимых трудностей, и добрались до какого-то источника. Очевидно, его уже заранее заметил Саша Давыдов и распорядился разбить лагерь. Уснул в палатке. Сразу...

Утром вертолет в несколько ходок перебросил Чубайса, Мишу Абызова и еще нескольких ребят за двадцать километров от наше-

го лагеря, где стоят багги и мотоциклы, а может, даже и квадроциклы. Мы ждем, когда они там экипируются и сядут на свои машины, а мы подгоним джипы и таким образом двумя колоннами двинемся по степи в сторону столицы Калмыкии Элисты. Пойдем, естественно, по бездорожью, по какому-то заповеднику, где очень много сайгаков и прочего зверья. Ночевать будем в степи, вечером следующего дня достигнем Элисты, а дальше двинемся в сторону Эльбруса, вроде на Кисловодск. Я живо представил себе мраморные лестницы и белые колонны ведомственных санаториев сталинской эпохи, мимо которых торжественно проезжает колонна нашей техники: заляпанные грязью джипы и ревушие мотоциклы, причем лица водителей покрыты пылью и грязью не меньше, чем машины.

День в степи был просто удивительным: то на горизонте появлялось стадо сайгаков, то пролетали совершенно неведомые птицы, то открывались поля красных степных маков. Бесконечно кричат суслики или другие неведомые зверушки, прошмыгивающие в мгновение ока от норки к норке. Треск цикад, насыщенные травяные запахи... Я, конечно, вспомнил чеховскую «Степь» и буквально кожей прочувствовал мощь, идущую от земли, необработанной, незасеянной, ничем не засаженной... Растет то, что должно расти. Птиц в небе столько, сколько их должно быть. Сайгаков столько, сколько родилось. И ширь до горизонта, и вроде бы должно быть ровное однообразие, но эта мощь, это чувство покоя и величия дает невиданное разнообразие переживаний и ощущений. Бесконечность и свобода. Я завидовал Чехову, представлял, как он неспешно передвигался по этой степи на бричке, телеге, пешком, созерцал и обдумывал, как каждая травинка становилась его персонажем, а я всего этого не вижу, не успеваю разглядеть, потому что нам степь дана, для того чтобы ее пройти, проскочить на скорости, преодолеть, а вовсе не для того, чтобы познавать и наслаждаться. Наслаждаемся мы Чеховым.

За весь день никто никому не сказал ни слова, все шли молча и жестко. Час, два, три, четыре, пять, шесть. Вроде бы ощущение ровного твердого перспективного пути. Я иду вторым, за штабной «пятеркой». За ее рулем сегодня Арсен. У него, как и у Саши Давыдова, удивительная чуткость к рулю, к автомобилю, к дороге, которой нет, точнейшее предощущение того, что будет через

несколько метров или через несколько десятков метров. Иду за ним и не понимаю, почему он тормозит. Только потом сообразил, что если бы я не нажал на тормоз вслед за Арсеном, влетел бы в полутора-двухметровую яму. Он издали ее чувствует и огибает, причем точно с нужной стороны, потому что с другой стороны еще более глубокая яма или коварная кочка.

К вечеру я просто не ощущал себя, с трудом поставил палатку. Тело болело так, как будто каждая кость была тронута неведомым массажистом. Я прислонялся плечом или боком к машине, и казалось, что прислоняюсь скелетом. Фантастическое ощущение, что действительно работал и действительно устал. Экспедиция проходит уже третий день, и видно, что первые удивления прошли, быт стабилизировался, стал четким и необходимым. Я наблюдаю, как четко все подъезжают к месту стоянки, расставляют палатки, рано утром точно собираются, кто-то моет посуду, кто-то упаковывает снаряжение, кто-то заправляет технику бензином. Кажется, что все всё делают сами. Безусловно, все это держат в голове Давыдов и художественный руководитель экспедиции Миша Абызов, но тем не менее, есть чувство общности и ясности дела, когда поставлена цель, и каждый участник экспедиции делает определенную работу, обеспечивая движение себе и другим. Движемся по-прежнему по степи в сторону Элисты.

Технику пришлось оставить километров за двадцать от города и пересечь в автобус. В Элисте трудно найти стоянку для такого количества джипов и квадов. Была запланирована остановка с обедом, где Чубайса пытались в очередной раз удивить местными обычаями. На сей раз повязали какие-то почетные шарфики с текстом «400 лет вхождения калмыцкого народа в состав России». Съездили на экскурсию по городу, посмотрели недавно отстроенный буддийский храм. Он называется здесь «новым», а «старый» выстроен в степи лет десять тому назад. Высота «нового» храма 64 метра. На наш вопрос, почему именно 64, нам отвечали, что президент Республики Калмыкия Кирсан Илюмжинов – по совместительству шахматист и президент ФИДЕ, а на шахматной доске, как известно, 64 клетки. Понятно, что если храм соединен с шахматами, то, конечно, Нью-Васюки здесь во всем. Передо мной стоит украшенная позолотой статуя, возле нее разбит газон, на газоне растет сорная трава. Степная трава.

Ночевали в Элисте. Чубайс сообщил с утра, что мы с ним идем на багги. Это очень хорошо, но чуть страшновато. Хотя страшновато только снаружи, потому что когда уже внутри, вроде все на месте и все нормально.

Стою, спокойно надеваю шлем, Чубайс тоже надевает защиту, и мы готовимся уезжать. Вдруг к месту стоянки подъезжают две машины, из них выскакивают люди с телекамерами, женщина с микрофоном, и вся эта группа несется в нашу сторону. Чубайс произнес что-то вроде «Ну вот, сейчас начнется!» и безнадежно отвернулся. Группа местных журналистов тем временем достигла цели, и запыхавшаяся женщина, улыбаясь, обратилась ко мне: «Иосиф Леонидович, мы так боялись, что вас не застанем. Расскажите, пожалуйста, о ваших творческих планах...». Чубайс в недоумении повернулся к журналистке. Та продолжала меня интервьюировать. Чубайс удивленно поднял бровь. Журналистка вынула из сумочки мою книжку «Не верю» и попросила автограф. Чубайс придвинулся к нам вплотную. Женщина горячо меня поблагодарила и в эйфории оттого, что сняла сюжет с Райхельгаузom, прыгнула в машину и умчалась в степь. Я принес Анатолию Борисовичу извинения за то, что местные СМИ проморгали возможность сделать интервью с Чубайсом.

Дальнейший наш маршрут – по сильно пересеченной местности. Мощно шли по холмам, по курганам, вышли из Калмыкии, плавно въехали в Ставропольский край. Изменились и природа, и ландшафт, и поля уже обработанные, и ощущения другие. Мелькают дорожные указатели на Кисловодск, Минводы, Пятигорск. Всюду жизнь, всюду дороги! Но мы по ним не едем, мы их объезжаем... Идем в горы, чтобы перебраться на ту сторону Кавказского хребта и наконец-то оказаться в Сочи. За несколько часов пытаемся достичь подножья Эльбруса.

Из всех видов транспорта – джипов, гидроциклов, снегоходов, мотоциклов, плотов для рафтинга, меньше всего мне нравится квадроцикл и вся к нему подготовка. Еще костюм не нравится. По горам я шел как раз на квадроцикле, допустил ряд ошибок и заплатился за них. То есть ошибся я еще в Москве, когда легкомысленно вычеркнул из списка обмундирования легкое и теплое термобелье. Давыдов написал: температура на маршруте от плюс со-

рока до минус пяти. Плюс сорок я хорошо запомнил, взял с собой много маек с короткими рукавами, а минус пять не учел вовсе. Мы уходили в горы все выше и выше. Погода сильно ухудшалась. Солнце сменилось сначала просто пасмурным небом, потом пошел дождь, потом град, снег, и после всего этого задул невозможный шквалистый ледяной ветер. Было чувство, что меня положили в бытовой холодильник в морозильную камеру. Обычно оттуда достают цыплят или крабов. Я был примерно в таком же состоянии. Все окоченело, снег бил в лицо и глаза, подшлемник я надел не совсем правильно, поэтому, как мне объяснил Саша Давыдов, от моего горячего дыхания запотевали очки, я их снял и практически всю дорогу так и ехал, отчего сейчас у меня корка на носу и на щеках. Мы шли по очень сложному маршруту. Несколько раз я чувствовал, что вот-вот рухну в пропасть, несколько раз вспоминал свои первые проезды на квадроцикле в Узбекистане и тем самым пытался отвлечься от нехороших мыслей. Но на некоторых поворотах, дерзких и крутых с одной стороны и сразу под острым углом идущих вверх с другой, меня пару раз прилично заносило. Казалось, что еще чуть-чуть – и я повторю свой узбекский кульбит в горном ущелье.

Шли таким образом более трех часов. Эльбрус невозможно было разглядеть из-за жестокого мелкого колючего снега, града и ветра. Все это сдабривалось грязью, которая летела от впереди идущего квадроцикла, черной коркой покрывала одежду и начинала тут же леденеть на ветру. Мы пробивались выше и выше. Когда до лагеря оставалось километра три-четыре, дорога оказалась перекрытой. Какие-то альпинисты перевозили свое снаряжение, и их спортивный грузовик перевернулся, перегородив проезд. Он уже сутки лежал здесь на боку и не мог выбраться, а мы, естественно, не могли пробраться дальше. Пришлось разворачиваться на узком промежутке между скалой и пропастью и спускаться вниз. На морозе (было-то всего три-пять градусов, но казалось, что это какая-то невозможная температура!) ставили палатки, и Чубайс окоченевшими пальцами разводил костер. Я пытался ему помочь. Сказал оператору Василию: «Сними Чубайса у костра». Вася ответил, что за все экспедиции можно уже собрать многосерийный фильм под названием «Чубайс разжигает пламя».

Я чудовищно промерз, чувствовал себя очень плохо, но, собственно, все чувствовали себя неважно. Не было сил идти в холодную палатку, встряхивать спальный мешок, раздеваться, поэтому я влез на пассажирское кресло нашего джипа, завел двигатель, несколько согрелся и отрубился. Проснулся в шесть утра и не поверил своим глазам: прямо передо мной сияющий Эльбрус со своими двумя шеститысячными вершинами, голубое небо и солнце. Стоило, конечно, мерзнуть, чтобы это увидеть. До вершины восемнадцать километров, но ощущение, что она совершенно рядом. Квадроциклы собираются штурмовать ледник, после чего будут пытаться пробить дорогу в горах. Причем и на квадроцикле, и на машине будет очень непросто: колея за ночь замерзает и становится твердой, а потом под солнцем раскисает снова. Много труднопроходимых селевых потоков. Преодолением этих препятствий мы и займемся, чтобы в итоге прийти до Черного моря. Это еще два дня.

Пока я умывался, Эльбрус затянуло облаками. Было ощущение, что повторится вчерашняя погода. Весь продрогший, я представил, что опять нужно надевать защиту, влезать во всю эту грязь и садиться в проклятый квадроцикл. Я пошел в кузов фуры, которая перевозила между участками маршрута мотоциклы и квады, а на стоянках служила кухней. Там уже сидел Чубайс с компанией, все пили чай и завтракали гречневой кашей с молоком. Как обычно, за завтраком начали определять и распределять экипажи: кто на мото, кто на квадро, кто на джипе, кто на вертолете. Поскольку я не проявлял энтузиазма по поводу мото и квадроциклов, Чубайс как-то выразительно посмотрел на меня и сказал: «У вас сейчас есть выбор. Вы можете снять эту теплую куртку, без термобелья влезть в защитный костюм, надеть очки, сесть на квадроцикл, по пути перетаскивать его на себе через полуснежные-полуледяные лужи и получить бешеный заряд вчерашней отрицательной энергии... Но в результате вы ступите на ледник и дотронетесь рукой до Эльбруса. А можете сесть на вертолет... Это нормальный человеческий выбор». Я сделал необходимую паузу и сказал, что выбираю вертолет. Вчерашний день дался мне слишком тяжело. За все экспедиции это был мой первый малодушный поступок, и в тот же момент я почувствовал себя изгоем. Мои товарищи выбирали шлемы и обувь, снаряжались, проверяли тех-

нику, а я бродил без дела. Группа квадроциклов штурмовала ледник, а я обозревал его из кабины вертолета. Буквально через час погода стала просто идеальной. Дима-вертолетчик сделал несколько кругов вокруг фантастического Эльбруса и сказал, что надо возвращаться, воздух здесь разрежен, вертолету не хватает мощности.

Вернулись в лагерь. Я бесцельно бродил вокруг механика Вани, который проверял машины. Приехали наши с восторгами по поводу того, как близко они подошли к вершине. Долго находиться там не могли – погода в одночасье прояснилась, и белейший снег резал глаза. Вообще, по сравнению с предыдущим днем вылазка на ледник оказалась легкой прогулкой. Мой выбор оказался неверным. Жизнь в который раз доказала свою правоту и непредсказуемость.

Двинулись дальше. Я сел за руль джипа и буквально через пятьсот метров услышал сильный стук в правом колесе. Механики возились с поломкой больше часа и в результате отключили передний мост, что означало сильную потерю устойчивости. Меня пытались пересадить пассажиром на исправную машину, но я руля не отдал. Многочасовая уникальная дорога, справа – горы стеной, слева – пропасть.

Я совершенно запутался с географией – Кабардино-Балкария, Черкесия, Ставропольский край. Незаметно сменяли друг друга регионы и автономии на фоне бессменного горного пейзажа, каменистых берегов рек и стремительных водных потоков.

А мы уже в Адыгее, обходим Майкоп по какой-то просеке над рекой Белой. Пересаживаемся на рафты и по этой же реке сплавляемся вниз. Перед самым большим водопадом, который называется Топор, с ужасом осознаю, что мне как однажды отступившему могут предложить спуститься по берегу. Но меня, наверно, простили, и я прошел в гущу брызг по лезвию этого «топора». Остановились в лагере около часу ночи. За поздним ужином Саша Давыдов и другие кайакеры рассказывали ужасы, как на этом водопаде кому-то оторвало ногу, а кто-то ушел под воду навсегда.

Дальнейшее бездорожье – разбитая колея для лесовозов. Последний день. Сейчас начинается бросок к морю. Мы идем через перевал, где будут снег и лед. Приготовлены высокие сапоги и лопаты, чтобы расчищать путь. За перевалом, как говорят, Красная Поляна, Сочи, Лазаревское...

Сначала вел машину Чубайс, а я сидел справа. Чубайс спрашивал, что там внизу. Я отвечал, что внизу огромное ущелье и практически отвесная стена. Ехали спокойно, пересекли несколько горных рек, машина погружалась в воду почти по стекло. В каком-то болоте сломался Миша Абызов, приходилось несколько раз вытягивать его лебедкой. Чуть не перевернулся, висел над обрывом на двух колесах сын Анатолия Борисовича Леша. Я вел машину вниз, уже по сочинскому серпантину. Чубайс глянул в правое окно и сказал: «Глубоко. Хорошо, что я этого не видел, когда был за рулем». На дне ущелья шумела река. Наверху лежал снег. Было начало лета, 1 июня.

Поздно ночью прибыли в пункт назначения – невиданную по роскоши и комфорту частную гостиницу в Сочи у самого Черного моря. Швейцары в ливреях удивленно уставились на группу грязных людей со спортивными сумками и рюкзаками. Хотелось перед ними извиниться за неподобающий внешний вид. Галантный менеджер сообщил нам, что ужин накрыт на террасе. Разбредились по номерам. Я оглядел необъятную белоснежную спальню со стеклянной душевой кабиной и огромной ванной посредине, бросил сумку у порога и решил, что кужину переодеваться не буду. Не было сил. Спустился на террасу, где за столом собирались наши, почему-то тоже без смокингов. Официанты в сюртуках блее белого подносили Абызову вина, он крутил бокал, нюхал, пробовал и выносил вердикт: годится или нет. Оценить его выбор почти никто не смог, очень скоро все сдулись, как наши гермы – специальные экспедиционные сумки, из которых вынули вещи и выпустили весь воздух. В десяти метрах плескалось море. Мы даже сделали усилие и прошли эти десять метров, но в воду так никто и не вошел.

Рано утром по пробкам, которые в Сочи, как оказалось, тоже есть, уже на микроавтобусе мы ехали в аэропорт. До Москвы час сорок лету. Я подумал, что как-нибудь куплю билет на самолет и через час сорок окажусь здесь, на пляже, и тогда можно будет залезть в еще не прогретую соленую воду, лечь на спину и качаться на волнах, шурясь от яркого солнца.